

ДАЛИ ИСКУССТВА

«МНЕ НЕ БЫЛО бы жаль, если бы я доставлял людям только удовольствие. Я хотел сделать их лучшими».

Так сказал Гендель на закате своих дней.

Если великий Бах принадлежал к обширному музыкальному клану тюрингских Бахов, Гендель родился в семье почтеннейшего гражданина саксонского города Галле, цирюльника-лекаря, впоследствии придворного хирурга Георга Генделя, в жилах которого, как говорится, не было ни единой капли музыкальной крови. Мало того, старый Георг питал отвращение ко всем без исключения музыкантам, определенно считая их низшей кастой, и мечтал сделать из своего первенца (Гендель был первым из оставшихся в живых детей почтенной пары) преуспевающего адвоката. Уму непостижимо, откуда у юного Георга взялась столь непреодолимая тяга к музыке, однако еще ребенком он выучился играть на органе и клавире. Попав семи лет от роду во дворец герцога, он изумил всех присутствующих великолепной импровизацией на органе. Принимая поздравления самого герцога, Георг-старший был вынужден улыбаться и делать счастливый вид. Однако на душе у него было отнюдь не спокойно.

Однако не будем слишком строги в отношении добропорядочного цирюльника, тем более что не кто иной, а именно Гендель-старший поручил своего непокорного сына всесторонней опеке такого замечательного композитора и органиста, каким был В. Ф. Цахау, моментально разгадавший в ребенке того, кем ему суждено было стать. Цахау поощрял первые композиции мальчика, окрыляя его столь необходимой уверенностью в собственных силах, а также знакомил с музыкой всех стран и народов, в том числе и с итальянской, в значительной степени определившей творческую судьбу Генделя.

В одиннадцать лет мальчик самостоятельно едет в Берлин (страсть к путешествиям сопровождала Генделя всю жизнь), добивается аудиенции самого курфюрста (видимо, не без участия родителей), более того, завоевывает его симпатии виртуозными импровизациями на моднейшем в ту пору инструменте — клавире, предке современного фортепьяно, и получает его финансовое и все прочие благословения на поездку в Италию. Однако на горизонте появляется грозная фигура Георга-старшего, и младший спешит в свой родной Галле.

Итак, да свершится воля отца, тем более, что его благородный прах уже покоится в фамильном склепе. Но то ли стены Галльского университета показали слишком мрачными семнадцатилетнему Георгу, то ли солидный заработок органиста и музыкального руководителя одного из самых больших соборов в городе оказался очень кстати лишившейся главного кормильца семье, — как бы там ни было, Гендель теперь уже навсегда отказывается от солидной юридической карьеры и посвящает себя карьере по тем временам самой неслонидной и ненадежной, самой незащищенной от капризов ветреной фортуны — музыкальной.

Здесь, в провинциальном Галле, воинствует благополучный обыватель, навязывая свои представления о счастье, лелеющий единственный идеал — золото. Поди докажи им, что есть иные идеалы, что жизнь, наконец, восхитительно многозвучна, упоительно безбрежна. И непереносимо жаль губить ее на погоню за этим тусклым, холодным мерцающим желтым металлом. Нет, нет, тысячу раз нет. Прощай, родной Галле...

Осев ненадолго в Гамбурге, Гендель пишет свои первые оперы — «Альмира» и «Нерон», од-

нако их успех лишь возбуждает зависть музыкальных ремесленников, тех самых, которые во все века владеют земными благами, недоступными гениям.

Еще не раз за свою долгую многотрудную жизнь познает Гендель, что такое огулителя травля. Но так и не научится воспринимать ее холодным разумом.

Путешествие в Италию очень похоже на бегство, тем более, что страна Данте и Петрарки еще млеет под теплыми закатными лучами позднего Ренессанса. Еще не обнищало семейство знаменитых меценатов Медичи, не иссякла их жажда к прекрасному. А в Венеции Генделя ждет щедрый дар скупердяйки-фортуны в лице знаменитого, хотя и молодого, Доменико Скарлатти, реформатора клавирной музыки, блистательного виртуоза и доброго человека.

Обладая феноменальной музыкальной памятью, Гендель с наслаждением впитывает мелодии и ритмы народных танцев, канцонет, что позволяет ему создать настоящую итальянскую оперу — «Агриппина», пожалуй, лучшую из всех написанных им опер, которой восторгается пресыщенная, чего только не повидавшая на своем веку Венеция. Но будущее так туманно, а вкусы итальянской публики так изысканны и непостоянны... К тому же здесь слишком много солнца. А там, где много солнца, еще больше тени. Контрасты чужды его натуре. Они мешают, они просто диссонируют с установившейся в душе гармонией. Без этой гармонии он не сможет писать Музыку...

Англия встретила Генделя стойкими ненастьями, полным музыкальным хаосом, прочно воцарившимся при королевском дворе после смерти Генри Перселла. Но Гендель нисколько не унывал. Он привез с собой музыкальные идеи солнечной Италии, которые собирались культивировать на скудной британской почве. Ибо он безошибочно угадал момент наивысшей расположенности просвещенной части английской публики к восприя-

тию музыкального языка Италии, обогащенного богатой немецкой полифонией.

Некий Аарон Хилл, литератор, импресарио, человек предприимчивый и по-своему одаренный, с удовольствием (и, разумеется, не без выгоды для собственного кармана) направляет первые шаги новоспеченного английского композитора.

А тот с упоением отдается работе. Кто сказал, что англичане не музыкальны? Мелодии из «Ринальдо» поет уже весь Лондон. Успех, полный успех.

Когда королем Англии стал Георг I, бывший курфюрст Ганновера, при дворе которого Гендель служил когда-то капельмейстером, ему назначают солидный пансион, а кроме того, облекают честью обучать музыку королевских внуков.

Обласканный всевозможными милостями двора, Гендель не забывает свою родину. Тем более что и английский король, бывший немецкий курфюрст, частый гость на континенте. Поездки королевской свиты, непременно членом которой отныне является Гендель, проходят с помпезностью, отмечены пышными пирами и непременной музыкой — ведь недаром же Георг I осыпал такими щедрыми милостями своего придворного капельмейстера.

Однако же Гендель находит время навестить свою мать, а также вдову горячо любимого учителя Цахау, которую буквально вырывает из цепких когтей нищеты. Нет, он не забыл его уроки, богатство не затмило ему той цели, к которой он не устанет идти вопреки всем душевным и телесным недугам. Монаршии милости преходящи, искусство вечно.

Здесь же Гендель навещает бывшего университетского приятеля Иоанна Кристофа Шмидта, человека честного, образованного, но, увы, бедного. Гендель оплачивает долги друга, зовет его с собой в Англию. Все-таки необходимо иметь подле себя верного человека. Тем более соотечественника, ежечасно, еже-

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

минутно напоминающего о далекой, но не забытой родине.

Впоследствии семейство Шмидтов (их фамилию переделали на английский манер — Смит) станет для Генделя родным, а сын Иоанна Кристофа, Джон Кристофер — сам незаурядный композитор и органист, будет тем самым доверенным лицом, которому ослепший маэстро станет диктовать музыку.

Английский период, длившийся без малого сорок лет, был самым плодотворным в жизни Генделя. Помимо опер, композитор создает массу произведений для клавира, органа, пишет дуэты, трио, сюиты для различных инструментов. В том числе оркестровую сюиту «Музыка на воде», и поныне входящую в репертуар большинства симфонических оркестров мира.

И все-таки главным его пристрастием пока остается опера.

За свою жизнь Гендель написал свыше сорока опер. Среди них «Радамисто», «Юлий Цезарь», «Тамерлан»... Очень «итальянские» по своему звучанию (не говоря уже о сюжетах), эти оперы вызвали нападки со стороны передовых английских публицистов — Аддисона, Свифта и других, критиковавших в лице Генделя антинациональную придворную оперу. Дошло до того, что в 1728 году состоялась премьера сатирической «Оперы нищих» Пепуша (кстати, тоже немца по происхождению), где пародировались известные мелодии Генделя, в ту пору уже директора Королевской музыкальной академии.

К тому времени Гендель начинает понимать, что ограниченность оперного жанра сковывает какие бы то ни было реалистические поиски. В нем же с возрастом все сильнее дает о себе знать жажда реалистического искусства.

Талант Генделя в полную меру раскрылся в его ораториях.

Никогда до Генделя хор не поднимался до таких драматургических высот, становясь по сути главным действующим лицом оратории. Хор олицетворял собой народные массы, и хотя Гендель создавал свои оратории на библейские сюжеты, он изображал картины народных страданий вообще, стремление к освобождению от гнета поработителей, наконец, высочайшие взлеты патристического чувства.

В последний раз он был на континенте за девять лет до смерти. Место Цахау теперь занимал один из сыновей Баха — Вильгельм Фридеман, тот самый, который двадцать с лишним лет назад привез Генделю приглашение и приветы от своего великого отца. Но они так никогда и не встретились, хотя, судя по всему, питали друг к другу уважение. Смирненно преклоняя колени перед одним и тем же божеством — Искусством, — они говорили на разных музыкальных языках. И в этой разительной непохожести и неподражаемости и крылось их истинное величие.

Генделя знала вся просвещенная Европа.

При жизни известность Баха ограничивалась пределами Германии.

В дальнейшем история отвела обоим композиторам достойные места. И не будем рассуждать, чье выше. Достаточно того, что в грядущие века и Генделя, и Баха ожидает бессмертие.

Россия испокон века чтит музыкальный гений Генделя. Русская музыкальная мысль одной из первых дала исключительно правильную оценку его ораториям, раз и навсегда определив их глубоко народный, а не церковный характер.

Велика этическая сила, движущая всем творчеством Генделя. Поэтому так ценно и современно его наследие. Поэтому столь славно трехсотлетие со дня его рождения.

Наталья КАЛИНИНА